

Борис Геруа
ВОСПОМИНАНИЯ
О
МОЕЙ ЖИЗНИ

Борис Владимирович Геруа

Воспоминания о моей жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54097625

Воспоминания о моей жизни:

ISBN 978-5-8370-0754-5

Аннотация

Борис Владимирович Геруа, генерал-майор Генерального штаба, потомственный военный из дворянского рода французского происхождения, оставил после себя интереснейшие воспоминания. Впервые они были опубликованы в Париже в 1970 году. В настоящем издании представлен второй том «Воспоминаний о моей жизни», полностью посвященный Первой мировой войне. Победы и поражения, героизм солдат и разложение армии революционными агитаторами, встречи с Керенским и Крыленко – обо всем этом автор рассказывает с несвойственной военным мемуаристам увлекательностью.

Прежде воспоминания Б. В. Геруа в России никогда не публиковались.

Содержание

В штабе Юго-Западного фронта	10
Командование 123-м пехотным Козловским полком	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Борис Владимирович Геруа
Воспоминания
о моей жизни

© А. Веселов, оформление, 2019

© Фонд «Люди и книги», 2019

© Фонд «Люди и книги», макет, 2019

В штабе Юго-Западного фронта

Вернуться к штабной службе мне пришлось гораздо скорее, чем это можно было предполагать. Два с половиною года в Академии перед войной 1914 года представляли короткий срок ученой деятельности, едва достаточный, чтобы погрузиться в нее как следует. Я только-только начал входить во вкус научных занятий и складывал в своей голове план следующего печатного труда, уже намечавшегося моими лекциями по тактике пехоты. Было жаль прервать эту работу; быть может, навсегда расстаться с ней. С другой стороны, обстановка в Академии с начала 1914 года резко изменилась, как я рассказал об этом раньше. Над Академией уже грянул один гром, но грозовая туча не рассеялась и было неизвестно, как, чем и когда она разразится. Весьма возможно, что мне захотелось бы покинуть Академию, даже если бы не случилось войны, решившей этот вопрос за меня.

Немедленно после ее объявления, как я уже говорил выше, начальник Академии князь Енгальчев собрал весь учебный состав и объявил нам о роспуске Академии. Слушатели должны были вернуться в свои части. Административный и учебный персонал получал свободу выбора – куда ехать.

Это решение относительно Военной Академии носило патриотический, но торопливый характер. Осенью 1916 года были вынуждены снова открыть Академию, так как обна-

ружился острый недостаток подготовленных офицеров Генерального штаба. По-видимому, никто не предвидел долгой войны. Генералов пришлось во второй раз назначать начальниками штабов дивизий – на полковничьи должности.

Но нам всем, учебному составу Академии, решение отправить нас на фронт было по душе, так как каждый желал принять активное участие в войне с противником, сразиться с которым Россия готовилась в течение десятилетий.

Я записался на Юго-Западный фронт и должен был через несколько дней ехать в хорошо знакомый мне Киев.

Мы с женой спешно ликвидировали свою маленькую квартиру в № 2 по Фурштатской улице, в доме Черепенникова, сделали необходимые для похода закупки, и я отправился в путь в воинском поезде с воинской платформы Варшавской железной дороги. Я получил отделение в вагоне второго класса, где в числе других офицеров ехал на юг муж Великой Княгини Ольги Александровны Куликовский.

Мой вестовой, данный от Академии, с легко запоминаемой фамилией Пушкин, погрузился с нашими лошадьми в товарный вагон в том же поезде.

Жена с детьми спустя некоторое время переехала из окрестностей Петергофа, где она жила на даче (в имении Знаменка Великого Князя Петра Николаевича), в Кишинев, к брату Михаилу Эдуардовичу.

В Киеве я и Сергей Леонидович Марков, преподаватель Академии, ехавший со мной из Петербурга, застали штаб

фронта в начале организации в помещении дома генерал-губернатора и Командующего войсками – генерал-адъютанта Иванова, теперь ставшего Главкомандующим. Начальником штаба у него был хорошо нам знакомый по ученическим годам в Академии бывший профессор Михаил Васильевич Алексеев.

Марков, как оказалось, был предназначен на должность начальника разведывательного отделения. Я – на должность начальника оперативного.

Но Марков вступил в исполнение своей должности, а я нет. На двадцать четыре часа раньше нас приехал из Главного Штаба полковник Павел Павлович Лебедев («рябой», по прозвищу) и был назначен начальником оперативного отделения. Мне объяснили эту перемену срочностью и моим опозданием.

Только одно отделение оставалось незамещенным: цензурное. По степени важности оно находилось на противоположном полюсе сравнительно с оперативным.

Но делать было нечего. Я вступил в управление этим отделением, в котором никого, кроме меня, не было.

Генерал-квартирмейстер генерал-майор Пустовойтенко, о котором я до того никогда не слыхал и который до войны занимал должность начальника штаба пограничной стражи Киевского округа, предоставил мне самому найти себе помощников.

Я решил задачу просто: был конец июля, Киев был полон

офицерами, призванными из запаса. В своих прапорщичьих погонах и новеньком снаряжении они тоскливо слонялись по улицам, ожидая распоряжений от штаба тыла – куда им отправиться.

Идя из штаба фронта, по Липкам, в штаб тыла, помещавшийся в здании штаба округа, я встретил двух таких «прапорцов». Один был высокий, полный, румяный, с добродушным выражением на круглом лице. Другой – плотный и короткий, с маленькими светлыми усами и острыми глазами. Оба мне «kozyрнули», а я остановил их.

Кто они и куда назначены?

Матвеев и Осипов. Не имеют пока никакого назначения.

Откуда и чем занимались?

Первый – бельевым делом в Москве. Второй – журналист и репортер из Петербурга.

Эврика! – сказал я себе. По меньшей мере один вполне подходит для цензурного отделения. Тут же я сделал Осипову предложение поступить в него моим помощником. Но как быть с Матвеевым? Симпатичная наружность; но в какой мере бельевая торговля готовит к цензуре?

Из моей заминки выручил меня Осипов.

– Я с удовольствием возьмусь за эту работу, но разрешите мне попросить вас взять на службу также и Матвеева. Мы с ним сдружились и хотели бы служить – где бы ни пришлось – вместе.

Мне нравилось лицо Матвеева и понравилась эта товари-

щеская просьба Осипова.

В какие-нибудь десять минут штаб тыла передал этих двух молодых людей в мое безоговорочное распоряжение.

На другой день я их представил начальству, и мы начали работу.

Круг обязанностей цензурного отделения по закону был весьма расплывчатым. Корреспонденция фактически прочитывалась войсковыми цензорами. Штаб фронта лишь направлял их деятельность и решал спорные случаи. Мы должны были читать газеты – свои и иностранные, поскольку удавалось получать эти последние. Делать сводки и выборки из них. Иметь дело с корреспондентами и с иностранными военными агентами.

Все это казалось жидковатым, как бы лишенным какого-то основного стержня. Надо было выдумать этот стержень. И вот мы с Осиповым порешили приступить к изданию фронтовой газеты. Она должна была связать войска с тылом и Россией, давать ориентировку в общей политической и военной обстановке, рассказывать о подвигах наших войск и отдельных лиц, развлекать...

Доклад мой на эту тему получил полное одобрение М. В. Алексева и его утверждение.

Так родился «Армейский Вестник».

Счастлирое событие это произошло в первых числах августа в Бердичеве, куда к этому времени штаб фронта перешел из Киева.

Как полагается, новорожденная газета появилась на свет в крошечном виде – это был небольшого формата лист в две страницы. Но росла она очень быстро. Увеличивался и формат, и число страниц.

Вначале я составлял номер целиком сам, но постепенно у меня появились сотрудники, не говоря уже о шустром Осипове, который с увлечением вошел в знакомую ему газетную игру – в новой для него военной форме.

Кроме налаживания корреспонденции «с мест», то есть из толщи войск и с боевых участков, надо было справиться с другим затруднением: своевременной и широкой доставкой газеты в войска. Прошло некоторое время, пока старшие штабы прониклись уважением к нашему органу печати и начали принимать меры к тому, чтобы «Армейский Вестник» попадал в полки и в окопы, а не застревал на передаточных пунктах в тылах корпусов и дивизий.

Встретилось препятствие однажды и с печатанием. Газета печаталась в походной типографии штаба фронта. Штаб переехал из Бердичева в середине августа в Ровно, а затем, на время решительного Люблинского сражения, на станцию Луков, к югу от города Седлеца. Мы оказались близко к боевому фронту и потому большие тяжести оставили в более глубоком тылу – в том числе громоздкую типографскую машину. Казалось, придется приостановить выход газеты! Но, к счастью, шрифты можно было доставить, и предстояло только найти место печатания.

Я вспомнил о Седлеце, где, разумеется, была типография. Мы набирали газету в Лукове, а затем я садился в автомобиль и, бережно держа гранки на коленях, отправлялся в Седлец. Путешествие это, верст в тридцать, занимало всего около часа. Я прибывал под вечер, сдавал набор в типографию. Ночью происходило печатание, и рано утром я вез пачки газет, пахнувших свежей краской, обратно в Луков.

Кстати, о переходе штаба Юго-Западного фронта за его крайний правый фланг и в район тыла Люблинского сектора. Сделано это было намеренно, чтобы придать упорства 4-й армии, с трудом сдерживавшей превосходные силы австрийцев, и иметь возможность непосредственно влиять на ход боя, от которого зависел исход Галицийской операции.

Это приближение штаба фронта к войскам, дравшимся на решающем участке, было тем шагом, который следовало сделать Жилинскому на Северо-Западном фронте в начале августа, во время нашего наступления в Восточную Пруссию. Управляя издалека, штаб этого фронта утратил связь с быстро развивавшимися событиями и не мог внести никаких поправок в разнобой и стратегический беспорядок действий двух наших армий, которые в конце концов потерпели жестокое поражение. Армии эти не чувствовали чуткого управления свыше, а штаб фронта не знал того, что происходило в армиях.

Близость штаба Юго-Западного фронта к Люблину позволяла Алексееву пристально следить за всем происходив-

шим и вливать в войска уверенность, не мешаясь в мелочи исполнения.

В критические дни Люблинского сражения, когда в 4-й армии обнаружались признаки колебания, меня командировали в штаб армии для передачи инструкций и для получения личного впечатления об обстановке. Мне дали автомобиль и вооруженного «конвоира», не считая шофера.

Но когда я приехал в Люблин, положение на фронте упростилось, и настроение в штабе армии казалось твердым. Я продолжал свой путь дальше, к полям, где только что разыгались горячие схватки. Во время этой поездки мне удалось переночевать на биваке родного лейб-гвардии Егерского полка. Кажется, это было в день полкового праздника – 17 августа. Егеря оказали мне милое «полевое» гостеприимство и напоили меня чаем с вареньем! А на другое утро, следуя дальше на юг, я встретил походную колонну другого гвардейского полка, пересекшего мне дорогу; остановившись на перекрестке, я пропустил таким образом этот полк мимо себя, отдав честь знамени и козыряя офицерам, из которых многих знал.

Это были измайловцы! Не могло прийти в голову, что через какие-нибудь девять месяцев я сам буду вести походную колонну этого полка.

Из мест, в которых я побывал во время этой поездки, запомнилось особенно поле боя у деревни Красник, где еще были живы следы недавнего сражения. Здесь нашим артил-

лерийским огнем была уничтожена австрийская батарея, и трупы лошадей в трагических позах, с торчащими кверху застывшими ногами, лежали по обе стороны дороги.

После победоносного разрешения Люблинского кризиса штаб наш перешел в город Холм, ближе к середине фронта.

Поместились мы в просторном здании мужской гимназии. Отсюда в начале сентября Алексеев и Пустовойтенко отправили меня сопровождать японского майора Генерального штаба (что-то вроде Никишима), нашего союзника, по галицийским полям сражений.

Поездка эта, как мы увидим, совершенно неожиданно оказалась важной и существенной лично для меня.

Мы побывали во Львове, где провели несколько дней; представились русскому генерал-губернатору Галиции графу Бобринскому во дворце, увешанном портретами Габсбургов и теперь населенном адъютантами новой власти, разными новоиспеченными чинами по управлению краем. Повидали поле сражения 8-й армии у Городка и по реке Верещице. Проехали через всю Восточную Галицию к реке Сан по дорогам, по обе стороны которых печальными шпалерами были выстроены в большем или меньшем живописном беспорядке бесчисленные трофеи: австрийские пушки, зарядные ящики, всевозможные обозные повозки.

Мой японец желал закончить свое путешествие в 3-й армии, в штаб которой мы и направились. Он был расположен в городе Ярославле на реке Сан.

Командующий армией болгарин Радко-Дмитриев, два года перед тем познакомившийся со мной в Петербурге, узнал меня и после одного из общих обедов в столовой штаба спросил, в чем заключается моя служба на войне.

Я сказал, прибавив, что мне, как профессору тактики пехоты, следовало бы практически прикоснуться к этой тактике.

– Не пожелаете ли вы принять полк у меня в армии? – спросил меня Радко-Дмитриев. Я, конечно, ответил утвердительно и с энтузиазмом.

– Я непременно скажу об этом дежурному генералу, – сказал командующий армией, – а вы, со своей стороны, тоже передайте ему от моего имени, чтобы вас занесли в кандидатский список.

Дежурный генерал, еще не произведенный в этот чин полковник Шиллинг, оказался знакомым по моей службе в Киеве. Это был гвардейский офицер (кажется, лейб-гвардии Финляндского полка), очень симпатичный и доброжелательный. Он с охотой записал меня кандидатом командующего армией «вне очереди» и обещал проследить за тем, чтобы назначение не затянулось.

Через день-другой я, расставшись со своим косоглазым компаньоном, зашел к Радко-Дмитриеву откланяться перед отъездом в штаб фронта. Я еще раз поблагодарил его за внимание и доверие, а генерал выразил надежду скоро увидеть меня в своей армии.

Как ни благоприятно, казалось, складывалось это непредвиденное приглашение, я все же не слишком верил в его осуществимость; поэтому по возвращении в штаб и к своей цензуре не только не поделился ни с кем своими надеждами, но и сам почти забыл о них.

Тем больше я обрадовался и взволновался, когда через какую-нибудь неделю меня разбудили ночью и передали телеграмму командующего 3-й армией с запросом к командованию 123-м пехотным Козловским полком. Такой же запрос обо мне получил, конечно, и Главнокомандующий фронтом.

Решение зависело теперь всецело от генералов Иванова и Алексеева. По старшинству я еще был очень далек от кандидатуры на полк (всего два с половиной года в чине полковника). При своем назначении я опережал многих старших по Генеральному штабу и всех своих сверстников.

К счастью, ни старик-артиллерист Иванов, ни понимавший мои побуждения Алексеев не были формалистами. Выражаясь принятым у нас официальным языком, «препятствий к назначению» не последовало, а добродушный Иванов даже почти благословил меня на эту измену штабному стулу.

Будь я начальником оперативного отделения, ничего этого не произошло бы прежде всего потому, что мне не пришлось бы заехать в качестве туриста в штаб 3-й армии; а во-вторых, потому что, случись такое предложение, меня не отпустили бы.

Заместить начальника цензурного отделения – последнюю спицу в колеснице генерал-квартирмейстерской части – не представляло затруднений. Само отделение прочно встало на ноги. Оставалось поддерживать и развивать заведенную рутину.

Мой штат расширился. В качестве помощника я получил офицера Генерального штаба, причисленного к нему ротмистра лейб-гвардии Гродненского полка Добржиаловского, хорошо и быстро вошедшего в курс дела. Кроме этого маленького гусара, у нас появился еще переводчик, сапер, по происхождению чех, фамилию которого я забыл.

«Армейский Вестник» приобрел внешний вид настоящей газеты и известность.

Торопливо собрался я в дорогу, точно опасаясь – не раздумали бы! Сослуживцы проводили меня милым обедом в скромной интимной обстановке и добрыми пожеланиями; а мои бывшие подчиненные еще и обдуманым подарком, глубоко меня тронувшим.

Это был бювар формата первого номера «Армейского Вестника» с серебряной верхней доской, на которой была воспроизведена гравировкой заглавная часть газеты и на месте текста – факсимиле подписей моих сотрудников и дружеская надпись.

Как они умудрились соорудить этот художественный предмет в захолустном Холме – и в такой короткий срок, – не знаю.

Впоследствии, где бы я ни был на фронте, я аккуратно получал «Армейский Вестник» в конвертах, на которых был типографским способом напечатан мой адрес. А в первую годовщину со дня рождения газеты редакция прислала мне сердечное приветствие.

К этому времени редакция разрослась; во главе ее был поставлен известный писатель Родионов (автор нашумевшего обличительного романа «Наше преступление»); по виду и формату она ничем не уступала любой газете.

Во время моего двухмесячного пребывания в штабе Юго-Западного фронта, с конца июля по, примерно, 20 сентября, я имел возможность наблюдать стратегическую работу штаба под руководством лучшего у нас мастера этого дела – М. В. Алексеева.

Организовал он ее, однако, по-своему, отделив творческую часть работы от исполнительной. Для первой он привлек двух своих чинов «для поручений» – генерала В. Борисова и полковника М. Дитерихса. С их помощью Алексеев принимал в своем кабинете решения и их разрабатывал. В готовом виде, часто написанные четкою рукою самого Алексеева (напоминавшею почерк Милютина), эти распоряжения передавались генерал-квартирмейстеру Пустовойтенко или, через его голову, оперативному отделению. Последнему оставалось только исполнить: то есть переписать, иногда что-нибудь прибавить, дать справку, резюмировать, разо-слать. Роль ответственного органа управления, таким обра-

зом, сводилась почти к автоматической работе. Недостатка в работе, разумеется, не было; требовалось быть в курсе обстановки во всех мельчайших подробностях; требовались точность, быстрота, налаженность. Но творчества не требовалось. Оно исходило из таинственного кабинета Алексеева.

При этих условиях значение генерал-квартирмейстера в оперативной работе сводилось к нулю. Алексеев не включил Пустовойтенко в созданную им стратегическую тройку. Иногда он присутствовал на совещаниях, но для всех было очевидно, что в его советах не нуждались.

Он представлял резкий контраст с серьезными и озабоченными Борисовым и Дитерихсом. Моложавый, с хорошей талией и довольно красивым лицом, со своей холеной черной бородкой и тщательно причесанными «на пробор», начинающими сидеть волосами, всегда щеголевато одетый, любивший бросить на себя взгляд в зеркало – Пустовойтенко и внешностью подчеркивал эту разницу – в особенности в отношении Борисова, неряшливого, не следившего за своей бородой и чистотой ногтей и сапог.

Приближение Алексеевым Борисова и Дитерихса объяснялось тем, что с первым он был дружен давно; знал его философско-стратегические наклонности и ценил его военно-научные труды, хотя склонные к отвлеченности и к доктринерству (Борисов особенно занимался Наполеоном); второго Алексеев помнил по Академии и потом имел случай убедиться еще раз в чрезвычайной серьезности этого моло-

дого офицера Генерального штаба.

Но из этих двух помощников главным советчиком был доктринер Борисов, имевший, кроме своей глубокой теоретической подготовки, еще и опыт заведования оперативным отделом Главного Управления Генерального штаба по должности первого обер-квартирмейстера при Палицыне.

Не раз, входя по какому-нибудь делу к Алексееву, я заставал его и Борисова склонившимися над огромной картой, разложенной на специально устроенном столе. Они разговаривали тихими голосами, как заговорщики, и не сразу замечали вошедшего.

Когда через год Алексеев сделался начальником штаба Верховного Главнокомандующего у Государя, он взял с собою в Ставку и своего нештатного товарища – стратега, нахмуренного Борисова, и штабного генерал-квартирмейстера, беззаботного Пустовойтенко.

Положение в Ставке изменилось: при Великом Князе Николае Николаевиче начальник штаба Янушкевич был ничем, а генерал-квартирмейстер Юрий Данилов – главной оперативной пружиной. Теперь стало наоборот.

Время моего пребывания в штабе Юго-Западного фронта было временем крупного проигрыша нами сражения на Северо-Западном фронте, в Восточной Пруссии (благодаря которому, однако, французы и англичане справились с немцами под Парижем), и блистательной Галицийской операции нашего фронта.

К первому стратегическому эпизоду относится воспоминание о приезде в Ровно, на свидание с Ивановым и Алексеевым, Великого Князя Николая Николаевича. Произошло это 4 августа старого стиля, на другой день после первого заметного боя на нашем фронте, когда австрийская кавалерия атаковала Владимир-Волыньск и была отбита нашим пехотным Бородинским полком.

Это был восемнадцатый день нашей мобилизации. Считалось, что мы можем, с некоторой натяжкой, перейти в общее наступление на двадцать восьмой день. Об этом знали, конечно, наши союзники – французы. Но в первых числах августа определилось сильное давление немцев в обход левого крыла французов и англичан через Бельгию, и французские представители в Ставке торопили ее с началом наступления, чтобы оттянуть на русский фронт внимание и силы немцев.

Как кажется, целью приезда Великого Князя в Ровно было желание услышать лично от Иванова-Алексеева (так и следовало видеть их под этой двойной фамилией) согласие на начало наступления десятью днями раньше. Мы все, чины штаба, встречали поезд Верховного Главнокомандующего на станции Ровно. После совещания, состоявшегося в вагоне Великого Князя, ему и приехавшим с ним чинам был предложен завтрак на вокзале.

К этому времени мы все уже знали, что желаемое союзниками решение состоялось, и отдается приказ о немедленном переходе границы и атаке неприятеля.

Надо было видеть восторженное волнение во время завтрака французских военных агентов, не чувствовавших под собою ног от сообщенного им известия. Тогда они были благодарны! После войны о России, начавшей в тот памятный день длинную серию тяжелых самопожертвований на пользу общего союзного дела, выбитой затем из колеи этими жертвами, забыли в порядке общечеловеческой забывчивости о благодеяниях (вспомним еще раз Болгарию и Черногорию).

Но 4 августа 1914 года было другое дело. Сиял от принятого решения сам Великий Князь. Сияли и сгруппировавшиеся около его высокой, господствовавшей надо всеми фигуры офицеры во французских и английских формах.

Командование 123-м пехотным Козловским полком

Я прибыл в штаб 3-й армии поездом, одновременно со своими лошадьми. Представился Радко-Дмитриеву, получил от него пакет для передачи в какой-то крупный войсковой штаб и верхом выехал в 31-ю пехотную дивизию, в которую входил мой Козловский полк; она находилась в боевой линии и в бою на левом берегу реки Сан.

Приказ по армии о допущении меня к командованию полком состоялся 23 сентября.

Назначение мое командиром полка состоялось просто. Казалось, одним прыжком я преодолел все канцелярские барьеры, которые могли быть подставлены человеку, выдвинутому вне кандидатского списка. Но не тут-то было! Всемогущие канцелярии, застигнутые врасплох, вскоре оправились, и мне пришлось испытать их силу в области бумажного подравнивания. Формула «допущения» к командованию отдельную часть означала переходное состояние, дававшее «допущенному» все законные права и возлагавшее на него всю ответственность; но затем требовалось «утверждение» Высочайшей властью, выражавшееся в приказе о «назначении» командиром полка. Лишь после такого приказа можно было надеть форму полка.

Сместить «допущенного» без серьезных оснований отрицательного свойства было невозможно. Но в Главном Штабе, ведавшем изданием Высочайших приказов о назначениях, нашли выход: нужно было только тянуть с отдачей этого приказа до того времени, когда по спискам старшинства «допущенный» созреет до утверждения в должности!

В результате этого хитроумного канцелярского изворота я командовал 123-м пехотным Козловским полком полгода и успешно водил его в сражения, оставаясь все это время номинально в Генеральном штабе и продолжая носить его форму. Для этого пришлось прибегнуть еще к одной уловке: назначить меня фиктивно начальником штаба какой-нибудь дивизии с тем, чтобы я был на этой должности заведомо мертвой душой.

Довольно долго – в течение четырех-пяти месяцев – такой дивизией, лишенной начальника штаба, была 5-я пехотная, находившаяся где-то далеко, на чужом фронте. И лишь под конец, к весне 1915 года, меня переназначили в свою собственную 31-ю пехотную дивизию, когда ушел командовать полком ее начальник штаба полковник Казанович.

Это обстоятельство дало возможность начальству вызвать меня в апреле 1915 года в штаб дивизии, оставшийся во все без офицера Генерального штаба (исполнявший обязанности начальника штаба капитан Кардашенко тоже получил другое назначение и уехал).

Создалось совсем нелепое положение: неутвержденный

командир полка «временно» исполнял свои прямые обязанности начальника штаба! Ибо считалось, что я вернусь командовать полком при первой возможности. К тому же теперь ожидали со дня на день Высочайшего приказа о моем назначении.

Как мы увидим дальше, этот долго зревший приказ о моем назначении командиром козловцев так и не состоялся, что, однако, не помешало моим невидимым уравнителям сказать обо мне в Высочайшем приказе о награждении меня Высочайшим благоволением 27 октября 1915 года: «Командиру 123-го пехотного Козловского полка полковнику Геруа». То же было сказано впоследствии о награждении Георгиевским оружием «за бои 8–23 октября 1914 г.».

После этого я мог считать себя «утвержденным» – в прошлом, со времени отличия, то есть с начала октября 1914 года!

Характерно, что Главный Штаб, перед моим назначением командующим лейб-гвардии Измайловским полком в первых числах мая 1915 года, хотел – во имя все того же канцелярского торжества – избежать в Высочайшем приказе скачка с должности начальника штаба дивизии на командира гвардейского полка; для этого отдать предварительно приказ о моем назначении командиром козловцев, хотя бы на три дня. Но раздумали и отважились на «скачок».

Сколько хлопот доставил полковник Геруа Главному Штабу!..

Все это введение было нужно, чтобы объяснить пятинедельный перерыв в моей строевой службе – между Козловским и Измайловским полками – и мое возвращение на штатную должность.

Возвращение это оказалось на короткое время, но такое, когда каждый боевой день можно было считать за три. Оно совпало с ударом фаланги Макензена по всему фронту 10-го армейского корпуса и с нашим трагическим отступлением из Галиции.

Я точно помню дату приказа по 3-й армии о допущении меня к командованию Козловским полком: 23 сентября 1914 года.

Думаю, что приказ был отдан, когда я фактически уже ехал в полк из штаба Юго-Западного фронта, после обмена служебных телеграмм, и что он совпал с моим проездом через штаб 3-й армии. Последний находился тогда в Ярославле, на реке Сан, а армия вела бои на ее западном берегу, примерно в двух переходах.

Командующий армией Радко-Дмитриев, победитель турок в болгарской кампании 1912 года, которому я был обязан своим назначением вне очереди, напутствовал меня по-военному и дал какие-то бумаги для доставки в штаб 10-го корпуса. Полк входил в его состав. Я выехал верхом немедленно, с ординарцем и со своим выучным конем, минуя, для скорости, штаб корпуса и направляясь прямо в штаб своей

31-й дивизии. По дороге пришлось переночевать в какой-то бедной галицийской деревушке – примитивно, на соломе и на полу.

Отправив из штаба дивизии порученные мне бумаги по назначению и узнав, что начальник дивизии находится впереди, на позиции, я зарысил дальше, чтобы представиться там генералу. Он знал меня. Дивизией командовал бывший преображенец Павел Дмитриевич Шипов, художник, с которым я встречался когда-то в «Соляном городке» в Петербурге, на собраниях общества «Понедельников». По мере приближения к позиции все больше и больше обозначалось, что на ней шел бой. Громче была стрельба, все чаще в ясном небе показывались, расплывались и таяли розовые дымки австрийских шрапнелей.

Нашел я Шипова на гребне высоты, занятой нашей пехотой. Она, очевидно, была под обстрелом, хотя в ту минуту огонь притих. Люди сидели и лежали в наскоро вырытых мелких окопах. Но Шипов со своей небольшой свитой во весь рост расхаживал позади окопов, в лихо, набекрень, заломленной папахе, играя казачьей нагайкой. Со времени наших последних встреч он, в дополнение к длинным русым усам, отрастил бороду, расчесанную надвое, *à la russe*. Высокий, стройный и красивый, Шипов культивировал эти данные природы во имя картинного русского стиля и даже носил в левом ухе серьгу.

Русые волосы, все еще густые и на голове, однако сильно

смешались с седыми. Если прежде Шипов подходил бы без грима под молодого стольника XVII века, то теперь это был чиновный боярин с полотна К. Маковского.

Он возил с собою в походе краски и иногда усаживался писать этюды на какой-нибудь горюшке, находившейся под периодическим огнем противника.

Во всем его поведении и отношении к людям сквозило средневековое рыцарство «без страха и упрека». Шипов считал, что и все другие держатся таких же правил чести и благородства. Не знаю, случилось ли ему испытывать горькие разочарования, но не сомневаюсь, что оснований для этого было постоянно более чем достаточно.

Шипов остался в жизни одиночкой, всецело посвятив себя живописи и военному делу. Эти два искусства у него дружно переплетались, так как он рисовал и писал исключительно на батальные темы. Помнится, одно его большое полотно (кажется, переправа уральских казаков через реку) было приобретено для военной галереи Зимнего дворца. Свое художественное образование Шипов получил в Париже. Ему позволили провести с этой целью за границей довольно продолжительное время, оставаясь в Преображенском полку.

В своих картинах он все военное идеализировал и стилизовал все в том же духе *à la russe*. А в практике смотрел на него весьма упрощенно, полагая, что победы достигаются одною доблестью войск и их начальников.

Поощряя подчиненных в этом направлении и показывая личный пример, Шипов предоставлял разработку приказов и технику их осуществления своему штабу. Во время русско-японской войны он с успехом откомандовал одним из сибирских стрелковых полков. Быть может, эта удача укрепила его в мысли о правильности такой системы управления, в которой начальник является лишь организатором духа, а штаб делает все остальное.

В начале войны 1914 года Шипов командовал бригадой в 31-й пехотной дивизии, и из этого периода в ней сохранился легендарный рассказ о том, как он нацеливал для атаки веренные ему полки. Махнув широко рукой в одном направлении, он говорил: «Вам идти сюда!»; повторив указательный жест в другом направлении: «А вам туда!» и т. д. На вопрос озадаченных полковых командиров, не будет ли еще каких-нибудь приказаний, Шипов твердо объявил, что «это все», и, сделав широкий крест в воздухе над командирскими головами, прибавил: «И да поможет вам Бог!»

Замечательнее всего было то, что Бог держал руку Шилова и неизменно помогал. Несмотря на случавшуюся путаницу, перекрещивания частей и т. п., как следствие приказаний, лично отданных Шиповым, бои оканчивались в худшем случае вполне благополучно, а в лучшем видными победами.

Можно было уверовать поэтому в Божье покровительство, милостиво сопровождавшее тактически упрощенные эксперименты Шилова.

Получив дивизию, он, конечно, оказался всецело в руках своего начальника штаба в области решения задач и их исполнения. Но подписав нужные боевые приказы, Шипов выезжал к войскам туда, где было горячо, и своим невозмутимым спокойствием прибавлял уверенности командирам и солдатам.

Вступить в командование Козловским полком тотчас по прибытии мне, однако, не удалось. Не знаю, почему уже произведенный в генерал-майоры и назначенный бригадным командиром А. С. Саввич, мой предшественник, не спешил сдавать полк. Возможно, что ввиду происходивших отступательных боев решили подождать с переменой полкового командира и дать время новоприезжему войти в курс событий. К тому же, в дивизии существовал другой бригадный — некий Цецович, черногорского происхождения, на редкость глупый и бесполезный, но все же состоявший налицо. Может быть, хотели сначала отделаться от этой обузы при штабе дивизии и сплавить Цецовича куда-нибудь. Когда это впоследствии удалось, вспоминали о нем только в связи с двуколкой, которая полагалась бригадному командиру и судьбой которой Цецович был с утра до вечера так поглощен, что не оставалось места для других интересов. Можно было подумать, что он возил в ней какие-нибудь сокровища или держал там, как в банке, все свое состояние.

Впредь до моего фактического вступления в командование полком мне оставалось сидеть и передвигаться с А.

С. Саввичем, постепенно знакомясь с полковыми делами и помогая ему в оперативной части. Человек это был умный, воспитанный, доброжелательный и прямой; ладить с ним не представляло для меня никаких затруднений; мы очень скоро сошлись на дружескую ногу.

Стратегически в Галиции в конце сентября происходило следующее: австрийцы, потерпевшие крупное поражение месяц тому назад и отступившие в глубь Галиции, к Карпатам, успели там оправиться и, собравшись с силами, перешли в новое наступление. Наши части, выдвинутые при преследовании на западный берег реки Сан, должны были, в свою очередь, под напором превосходных сил отходить с боями. Мы, в конце концов, отошли на линию реки Сан, на которой удержали ряд предмостных позиций.

Одновременно австрийцы оживились под Перемышлем, который мы пробовали взять открытой силой.

Опираясь на форты крепости, они сами перешли в наступление. Наше положение там пошатнулось. Несомненно, противник превосходил нас в числе орудий и особенно в калибрах и весе снарядов. Кроме того, казалось, что гарнизон Перемышля получил значительные подкрепления.

Ввиду такой обстановки на южной части Галицийского фронта было решено поддержать дравшиеся там войска присылкой резервов с севера. Как широко это было сделано, я не знаю, но 31-я пехотная дивизия попала в число выделенных войск, была временно исключена из состава своего 10-

го корпуса и двинута походным порядком к Перемышлю.

Подошла она в тыл войск, действовавших к востоку от крепости, около 1 октября. И чуть не в самый день прибытия в новый район последовал приказ по дивизии: «Генерал-майору Саввичу вступить в командование 2-й бригадой, а полковнику Геруа – в командование 123-м пехотным Козловским полком».

Таким образом, без прямого дела я провел в дивизии всего не больше пяти-шести дней.

С радостью, с приподнятым духом и с жутким чувством вдруг надвинувшейся большой ответственности подъехал я рано утром к полку, который выстроился в ожидании выступления в дальнейший поход.

Здороваясь в первый раз с батальонами, я заметил, что для офицеров и людей мое появление в роли командира именно в то утро было полной неожиданностью. Вечерний приказ по полку накануне еще был подписан Саввичем.

Мы сделали небольшой переход и подошли совсем близко к боевой зоне. Двигались и остальные три полка дивизии, и наша артиллерийская бригада, но, вероятно, другими путями, ибо я не помню их соседства. Хотя, быть может, 124-й пехотный Воронежский полк (той же бригады Саввича) находился поблизости.

Полк остановился еще совершенно засветло на отдых – вроде большого привала – на какой-то открытой площадке, окаймленной лесками. Едва я успел отвести батальоны в сто-

роны и поставить их в маскированное положение, как прилетел одинокий аэроплан и бросил бомбу – тоже одинокую – как раз в середину пустой площадки.

Воздушные флоты и бомбометание были тогда в младенчестве! Мы, офицеры, с любопытством побежали посмотреть на результат разрыва. Нашли крошечную воронку, ничтожность которой вызвала бы сегодня ироническую улыбку.

Пока же полк стоял наготове, в низине, отделенной от ближайшего поля сражения лесистой горкой, и вне артиллерийского огня противника. В ожидании распоряжений мы с батальонными командирами и штабом полка вышли пешком на противоположную опушку рощи, служившей нам ширмой, и были поражены открывшейся перед нами панорамой. Теплый, сухой день склонялся к вечеру. Против нас солнце спешило спуститься за горизонт, на покой, играя своими последними лучами на осеннем золоте кудрявой буковой рощи, которая тянулась вдоль высокого кряжа и вдоль опушки которой мы медленно подвигались, любясь картиной. Внизу расстилалась на далекое расстояние волнистая равнина, совершенно открытая, постепенно поднимавшаяся к западу и уходящая в лиловую полосу леса на границе с безоблачным небом, начинавшим розоветь. Бежали розовые тона и длинные тени и по жнивью полей, широких, ничем не перегороженных. И высоко, на фоне еще бледно-голубой части неба, появлялись и исчезали розовые дымки австрий-

ских шрапнелей.

Шло наступление каких-то наших частей, и нам сверху оно было видно как на ладони. В бинокль можно было следить за постепенным успешным продвижением длинных пехотных цепей, за перебежками резервов.

Все это представлялось огромной моделью поля сражения, оживленной движущимися крошечными фигурами солдат, игрушечными повозками и орудиями. Освещенная приятным розовым светом заката, картина эта не говорила об ужасах войны и – если бы не разрывы шрапнелей – напоминала бы маневры мирного времени.

Мы чувствовали себя в положении зрителей в театре, наблюдавших представление из царской ложи бельэтажа. Такого четкого и широкого вида мне затем больше не пришлось видеть в течение всей войны.

Но я заплатил за это удовольствие ценою своего превосходного Цейса. Повесив бинокль на сучок дерева, я отошел вместе с другими в сторону на несколько шагов, а по возвращении – е presto! Мой Цейс исчез бесследно. Пустой и молчаливый сучок смотрел сиротливо и сконфуженно. Царская ложа на галицийской горке охранялась плохо!

Едва мы успели вернуться после представления в свой нарядный буковый лесок и поужинать, как пришло приказание: полку выступить немедленно на поддержку такой-то дивизии, дравшейся на подступах к Перемышлю.

Уже стемнело. Через час-другой должна была наступить

настоящая ночь, черная, безлунная.

Собрав своих батальонных командиров, я объяснил им обстановку и тут же, в лесу, продиктовал свой приказ. Помню, я испытал удовлетворение, что это заняло всего несколько минут и вылилось легко, как самоуверенно мне казалось, с должными краткостью, ясностью и полнотой. По-видимому, тренировка на прикладном решении задач в Академии не пропала даром. И впоследствии на войне я не переставал чувствовать себя дома в этой области быстрого, на ходу, составления и редактирования приказаний.

Переход был короткий, но в назначенный район полк подошел уже в полной темноте. Я явился к кому следовало и получил комплимент: «Никак не ожидал вас так скоро!»

Полку было приказано считать себя пока в резерве и отдыхать. Люди составили ружья и устроились около них на ночлег на земле, покрывшись шинелями. То же самое сделал и их командир. Земля была жаркая, под головой только кожаная походная сумка, приходилось часто поворачиваться с боку на бок, но октябрьская ночь была сухой и тихой, а сон крепкий – еще не старого человека, которому до сорока лет оставалось два года. Козловцы отдохнули отлично.

На другой день, 2 октября, мы по-прежнему только слышали шум боя впереди, но не получали задачи. Лишь поздно вечером, когда совершенно стемнело, полку было приказано передвинуться немного на север, следуя параллельно фронту, и стать в резерве за другим боевым участком. Где в это

время были и что делали остальные три полка дивизии, я не помню. Вообще, в этот период действия козловцев представляются мне оторванными и не связанными с работой своей дивизии в целом. Мы, правда, постоянно чувствовали руку и глаз Саввича, но можно было подозревать, что 31-я дивизия, попав в район и в подчинение чужого корпуса (12-го) в качестве гастролера, употреблялась новым начальством враздробь, по полкам, для так называемого затыкания дыр в боевой линии или для укрепления пошатнувшихся участков.

Во время указанного ночного передвижения полка со мной лично случился следующий эпизод: я ехал со штабом впереди колонны. Было так темно, что выражение «хоть глаз выколи» как нельзя лучше определяло видимость. Приходилось полагаться на инстинкт и зрение лошади, отдав поводья и позволяя ей самой выбирать и, в местах зарослей, пробивать себе дорогу. Делал это мой конь успешно, и я чувствовал, что он понимал свою роль и возложенную на него ответственность. Ступал он заботливо, сосредоточенно, иногда приостанавливался, точно соображая, что делать дальше, и спрашивая меня. В ответ я давал ему легкий посыл-поощрение шенкелями, и мы продолжали движение. Вдруг, совершенно для меня неожиданно, мы вскарабкались на какую-то очень крутую насыпь, почти отвесную. И затем я понял, что у нас под ногами наконец та твердая и прямая дорога, к которой мы пробирались. Едва я успел поздравить себя с этим, как мы с конем полетели кувырком вниз, в неизвестную чер-

ноту! Это была секунда. Я услышал лязг металла, чей-то крик и знал, что сам шлепнулся о твердую землю. Вскочив, я разобрал силуэт моей лошади, лежавшей на спине, с седлом, съехавшим на живот, и старавшейся перевернуться и встать на ноги. Я помог ей поводом. Когда мы пришли в порядок, и седло было водворено на свое место, я не без удивления мог установить, что ни лошадь, ни я не пострадали от этого приключения. Кроме факта самого падения с высокой насыпи, по которой шла дорога, упали мы на составленные в козлы ружья с примкнутыми штыками. К счастью, лошадь копытом распластала пирамидку, на которую мы падали. Слышанный мною металлический лязг произошел от распавшегося ружейного «козла». Пострадал только солдат какого-то резерва, ночевавшего под прикрытием дорожной насыпи; лошадь ударила его копытом, и это он вскрикнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.